

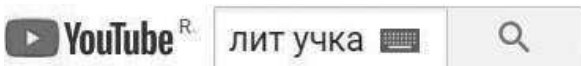
НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВА

ДЛЯ ВСЕХ,
КТО ЛЮБИТ КНИГИ,

теперь есть на YouTube авторский канал

НАТАЛЬИ
АНДРЕЕВОЙ

ЛИТ УЧКА

- ✓ Смотрите видеоблог,
- ✓ оставляйте свои комментарии,
- ✓ делитесь впечатлениями.

https://vk.com/nat_andreeva

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВА

ГРОЗА

Роман

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А65

Компьютерный дизайн обложки
Анастасии Чаругиной

Андреева, Наталья Вячеславовна.
А65 Гроза / Наталья Андреева. — Москва :
Издательство АСТ, 2020. — 320 с. — (Бест-
селлеры Натальи Андреевой).

ISBN 978-5-17-118961-7

Провинциальный городок Калинов находится на переломе двух эпох.

Грядут новые выборы мэра, в борьбу вступают трое: действующий глава города Степан Дикой, его бывшая правая рука Ваня Кудряш и учитель Кулигин, вот уже лет тридцать бьющийся над доказательством знаменитой гипотезы Кука, за которое обещан миллион долларов. Тихон Кабанов в шутку предлагает Кулигину для начала найти своего отца, исчезнувшего девятнадцать лет назад при ограблении инкассаторской машины. Найти хотя бы тот пропавший миллион. Взявшийся за расследование Кулигин, да и все остальные калиновцы даже не представляют, к чему это приведет. Тихий городок буквально взрывается: арест самой влиятельной женщины города, Кабанихи, покушение на убийство, провокационные фото в Инстаграме...

Все напряжены и ждут развязки. И она обязательно произойдет... Вместе с долгожданной грозой...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-118961-7

© Н.В. Андреева, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2020

*Автор благодарит свою группу
поддержки ВКонтакте за яркие отзывы,
которые вдохновляют на новые сюжеты
и помогают в работе*

А богатые-то что делают?.. У всех давно ворота... заперты, и собаки спущены... И не от воров они забираются, а чтобы люди не видали, как они своих домашних едят поедом да семью тиранят. И что слезьется за этими заборами, невидимых и неслышимых! И что... за этими замками разврату темного да пьянства!

Александр Островский
«Гроза»

Больше всего на свете маленькая Катерина любила цветы и мамочку. Жила девочка, точно птичка на воле, в славном домике на городской окраине, откуда рукой было подать до кормилицы Волги. Это место недаром считалось в Калинове самым красивым. Здешняя знаменитость учитель Кулигин как-то в шутку, а может, и всерьез, назвал его ладонью Бога. Стоишь на высоком волжском берегу в предрассветной дымке, словно в райском облаке, а у твоих ног речные волны, как заботливые няньки, принимают в свои морщинистые руки младенчески пунцовое, разинувшее рот в первом своем крике солнце. А ты стоишь и смотришь, как оно взрослеет и крепнет, поднимаясь над водой, смеется или хмурится, ласкает землю или отворачивается с презрением, позволяя нещадно заливать ее дождям...

Да, много чего еще говорил учитель математики Кулигин. Только мало кто его в Калинове слушал, чокнутого-то. И как потом оказалось, зря.

Катеринино детство было безоблачным и счастливым, вплоть до той роковой грозы. Встанет Катерина поутру — и на ключ. Так мама ее

приучила: в ключевой воде вся женская красота таится, лучше всяких кремов, даже самых дорогих. «Будешь каждый день на роднике умываться, Катерина, и вырастешь такой красавицей, что всякий тебе вслед обернется», — говаривала мама. И совет ее оказался верным.

А цветов в их доме было видимо-невидимо! И в комнатах, и в палисаднике, и даже у калитки. Катерина их так любила, что, опережая маму, сама поливала, хотя для слабых детских рук лейка была еще тяжела. Но Катерина никогда на трудности не жаловалась, такой уж у нее был характер. Она могла и десять раз подряд на родник сходить, лишь бы ее любимые цветочки не завяли.

Нет, маму она, конечно, любила больше, потому что мамочка была такая ласковая, и наряжала ее, Катерину, как куклу. Так и звала ее:

— Иди сюда, кукла ты моя.

И доставала из платяного шкафа отрезы: ситец, шифон, крепдешин, панбархат... Ткани радугой ложились на стол для раскройки, ожидая, пока над ним, как солнце, сверкнут портновские ножницы, чтобы сотворить чудо. Волшебство начиналось с того, что мама окунала в радугу Катерину, набрасывая на ее плечи отрезы и приговаривая:

— Этот тебе не к лицу, а этот для дам, не для девушек. Этот старит, этот полнит... А вот этот отрез крепдешина аккурат к твоим глазам, дочка! Они как майская трава, пока в силу не вошла и цвет еще не набрала, а не то русалочьи слезы. Зеленые, прозрачные. Тиной пахнут. Так что ты, Катька, не плачь, слышишь? Никогда не плачь.

И сама тайком вытирала слезы. Папы-то у Катерины не было. Калиновские кумушки все суди-

ли да гадали: и от кого Мельничиха родила такую красавицу-дочку? С огромными зелеными глазами, белоснежной кожей, с густыми волосами, отливающими медью. Не было в Калинове таких мужиков. Разве что в Москву Мельничиха съездила, женскую тоску разогнать. Вот и родила. Как в народе говорят: для себя.

Их фамилия была Мельниковы. Дом, в котором они жили, стоял на отшибе, когда-то давно здесь была не городская окраина, а хутор. И вроде как до революции на этом хуторе стояла мельница. Еще сохранилась старая плотина, правда, почти разрушилась, и заводь. В ней калиновцы давно уже не купались, но охотно удили рыбу. Правда, в заводи теперь было много коряг, и почти вся она затянулась ряской, а вода в ней казалась Катерине страшной, так она была черна. А вот мельницы нет, не уцелела. Даже следов ее не осталось. А может, и не было ее, мельницы-то? Мало ли, что в народе говорят? Калинов — город слухов. Вот и Катерину маму прозвали Мельничихой, хотя муку она, как и все, покупала в магазине. Мельничиха прослыла в Калинове знатной портнихой, поэтому в их доме с самого утра толпился народ.

Но одним шитьем кого теперь заманишь? Как только в столицу, а потом и за границу потянулись караваны «челноков», магазины и прилавки Калиновского рынка стали ломиться от нарядов. Мельничиха ловко подгоняла все это китайско-турецкое барахло под кургузых и дородных местных дам, которые все, как одна, не отличались высоким ростом. Мелкий в Калинове был народец, и даже не понятно отчего. Поэтому швейная машинка в доме у Мельничихи не замолкала. Пла-

тили кто чем мог. Кто ворованным спиртом с ликеро-водочного завода, кто картошкой из своего огорода, кто услугой. Денег в Калинове ни у кого не было, кроме местной знати, а та к Мельничихе не пойдет. Хотя...

В городе упорно ходили слухи. Мол, Мельничиха знает, как угодить и богатым клиенткам. Перед кем кусок ткани раскинуть, еще той, советской, из старых запасов, когда натурального было больше, чем синтетики, а перед кем и карты. Катерина через щелочку в двери, открыв рот, смотрела, как проворно мелькают мамины полные руки. И вее-ром ложатся на стол уже не отрезки ткани, а короли, дамы, валеты... Хотя Катерину в такие моменты из комнаты выставляли. Это было тайное.

В провинциальном городке Калинове гадалкам верили. И к знахаркам ходили чаще, чем в городскую поликлинику. А картам верили даже больше, чем прогнозу погоды. Поэтому Мельничиха не бедствовала, единственную дочку баловала, одевала, как куклу, закармливала конфетами. А слезы были все от той же женской тоски. С женихами в Калинове было туго, вечером по набережной гуляли почти одни девчонки, они же на дискотеках подпирали стену.

Сегодня у мамы была *клиентка*. Та самая, из богатых. Поэтому Катерине строго-настрого наказали вести себя тише воды, ниже травы, да и маме было не до нее. Занята.

Клиентка была красивая, статная, и хоть ростом невысока, но под ее властным взглядом все невольно пригибались. Вот и на Катерину сверкнула глазами, словно пронзила, и девочке стало вдруг так страшно. Словно этот взгляд навеки связал Катерину и страшную женщину, как при-

шил их друг к другу. Хотя, в чем был этот страх, шестилетняя девочка не смогла бы объяснить.

Она просто что-то почувствовала...

«Быть нам вместе, быть нам вместе, быть нам вместе...» Хотя что могла понимать шестилетняя малышка?

Но поддавшись этому чувству, Катерина подглядывать в щелочку не стала, а против обыкновения убежала из дома. Девочке давно уже хотелось прогуляться к заводу, поискать там ландыши. Хотя мама сказала: рано еще, не зацвели. Там, в лесочке у заводи, еще только снег сошел, хотя на дворе уже май. Но весна в этом году была поздней.

Сразу за калиткой на Катерину налетел ветер, небо нахмурилось, сирень, которой здесь были целые заросли, тревожно замахала ветками, словно руками: что ты, девочка, что ты! Не ходи никуда! Не ходи!!! Но ландыши... Катерина соскучилась по их тонкому аромату, от которого ее комнатка наполнялась грезами. «Вот когда я стану совсем-совсем большая, у меня, как у Дюймовочки в конце любимой сказки, тоже будут крылышки, и я встречу своего принца, похожего на эльфа». И Катерина решила.

Черные тучи собирались над Калиновом с самого утра, мама с клиенткой, перед тем как закрыть в переднюю дверь, тревожно переглядываясь, говорили, что гроза будет. Первая весенняя гроза. И, похоже, сильная. Мама, как всегда, погасила лампадку перед висящей в углу иконой. Гадание — грех. В Калинове и так уже про Мельничиху гуляют нехорошие слухи.

Как только дверь закрылась, о девочке позабыли.

Грозы Катерина не боялась. Она ничего не боялась, ведь она — кукла, любимая мамина дочка. И она отважно направилась к заводу.

Ветер сегодня был такой сильный! Платок с головы так и рвал, да еще настырно задирает подол яркого Катерининового платья. Платье сшила, конечно, мама. Но Катерина, как взрослая, важно прижимала к груди плетеную корзиночку и упрямо шагала к заводу. Она ведь шла за любимыми ландышами!

Что это? Вроде бы гром. А тучи до Калинова еще не добрались. И дождя пока нет. Но гром уже слышно. Его раскаты доносились издалека, со стороны дороги. Оттуда же надвигалась на город огромная черная туча. Но Катерина отважно направилась прямо к заводу...

...— Что, опять?!

Катерина очнулась и не сразу поняла: где она? Внутри все горело, и сама она горела. Лоб, щеки, шея, грудь, даже волосы были сухие, как порох... И в комнате разливался такой яркий свет, что Катерина какое-то время ничего не видела.

Но вскоре поняла: она сидит на кровати в полубессознательном состоянии, бледная, потная, ночная рубашка сползла с плеча. А рядом лежит муж и смотрит на нее с испугом. А свет этот из ее сна. Потому что она опять увидела высокое дерево, в которое ударила молния. Близко-близко, так что и саму Катерину опалило огнем.

— Господи... Опять этот сон... — простонала она. — Не могу больше, Тиша...

— Гроза, что ли, приснилась? — зевнул муж.

— Огонь... Как дерево горит, *то самое*. В которое молния тогда ударила. Так и стоит перед гла-

зами огромный факел, до небес! И будто я в нем горю!

— Ты просто была тогда маленькой девочкой и сильно испугалась, — попытался утешить ее муж. — Ложись, Катя, спи. Ночь на дворе.

Уснешь тут! Она поежилась и натянула на плечи сползшую ночную рубашку. Теперь Катерину знобило.

— Мне кажется, Тиша, что я умру от грозы, — еле слышно сказала она. — Тогда не убило, убьет сейчас. Мама мне как-то карты раскинула. А больше не стала. Наотрез отказалась. Как попрошу погадать, она прямо в лице меняется. А тогда сказала только: бойся грозы, Катерина. Это твоя кара.

— Пристыдить бы ее надо, твою мамашу полубезумную! — разозлился муж. — А не то пригрозить. Засрала мозги девчонке! Вот послал бог тещу! Будь моя воля — я бы ее в дурке запер!

— Да ты что, Тиша! Сколько она меня по врачам водила, сколько денег потратила! Даже в Москву возила! Я ведь почти год после этого молчала! А потом еще пять лет заикалась, так меня тогда напугало. Мама все сбережения на мое лечение потратила.

— Да что толку? Все равно вон, ночами не спишь.

— А все мать твоя виновата. Свекровь, — тихо сказала Катерина. И с опаской покосилась на мужа.

Эту тему лучше не поднимать. Не упоминать Кабаниху. Ее не то что Тихон, сын, ее вон, весь город боится! Так и есть! Муж аж в лице изменился! Как же! Жена посмела критиковать саму Хозяйку!

— Ты мою мать не трогай! — взвился Тихон. Проснулся в нем таки Кабанов! Даже голос повысил, хотя Катерина с усмешкой думала иногда, что ее муж так и живет, пришибленный своим именем. Догадались же назвать! Тихон!

— Да что ж мне, и слова сказать нельзя? И так живу, словно в тюрьме. «Да, мама, хорошо, мама, чего хотите, мама?» Если бы ты знал, Тиша, как же мне тяжело ее так называть! Мама... — она передернулась. — Слово теплое, ласковое, а твоя мать — как из стали. Увидишь ее — и дрожь по коже. Словно игольницу проглотила. Мама! Ты помнишь, Тиша, какой был скандал наутро после нашей свадьбы? Когда я за столом обратилась к твоей матери: «Мария Игнатьевна, а мне какое полотенце можно взять, чтобы крошки смахнуть?» Как она на меня тогда наорала! «Зови меня мамой!» — Катерина нервно рассмеялась. — Об этом вроде как просят. А меня отчитали, как маленькую девочку. Нет, во всем, что с нами происходит, виновата твоя мать. И в той давней истории тоже. Когда меня чуть грозой не убило.

— Она-то тут при чем? — вяло огрызнулся Тихон. Запал у мужа быстро проходил.

— Так ведь это она пришла к нам в то утро! Погадать ей, видишь ли, захотелось!

— А твоя от денег-то не отказалась.

— Да будь они прокляты, деньги ваши, кабановские!

— Но-но... — Тихон невольно поежился. Когда жена прокликает, у нее лицо меняется. И глаза горят, словно огоньки на болоте. Есть в Катерине та же чертовщинка, что и в матери ее, Мельничихе. Ведьмы они обе, как в Калинове говорят. — У меня, между прочим, в тот день отец пропал,

если помнишь, — пошел на мировую Тихон. — Мно-ого чего случилось в тот день в Калинове, до сих пор расхлебываем.

— Да, помню, — коротко кивнула она. — Ту грозу в городе не забудут. Пока другая такая же не случится, — и Катерина невольно поежилась.

— Как сейчас помню тот день, — оживился вдруг Тихон. — Был я тогда десятилетним пацаном. С самого утра над городом стали собираться тучи. Отец был какой-то мрачный, да и мать не в себе. За завтраком поругались. Он сказал: «ну, я пошел», — вроде как попрощался. Голос у него такой был, странный. Как только за отцом дверь закрылась — мать меня в охапку и к бабушке Насте. А та спрашивает: «Когда вернешься-то, Маша?» Мать посмотрела на нее, тоже странно, и говорит: «Ничего не знаю, мама, сегодня судьба моя решится. Может, я в другой город уеду. А Тиша пока у вас останется». Я давай реветь. Как это я буду без мамки с папкой? А бабушка меня утешать — конфет надавала, колы налила. Мать увидела, что я затих, расплакалась и ушла.

— Но ведь она же вернулась!

— Вернулась, — усмехнулся Тихон. — Только чужая. Словно умерло в ней что-то. В тот же год Варька родилась. Сестра моя. Выходит, что моя мать к Мельничихе беременная уже ходила. Вот странность! Не к врачу пошла, как узнала, что на сносях, а к гадалке! Скажи ты мне: зачем? Что она хотела узнать?

— Ты ведь помнишь, что потом случилось, — тихо сказала Катерина.

— Да, помню, — Тихон откинулся на подушку. — Наш Калинов во все криминальные сводки попал. Кто о нем слышал до того страшного

